

Живое общество

С середины 50-х гг. советское общество становилось все более многообразным и в социальном, и в идейном отношении. Но разные социальные слои, идейные течения и структуры развивались в «тени», самостоятельно друг от друга. В отсутствие гражданского общества горизонтальные равноправные связи строились по закрытым каналам. На многочисленных кухнях люди втихую обменивались со знакомыми дефицитной колбасой, сплетнями, самиздатом.

Советская социальная структура включала в себя характерные для индустриального общества социальные классы: рабочие и примыкающие к ним полупролетарские слои (прежде всего колхозное крестьянство), относительно небольшие маргинальные слои (с одной стороны – бомжи, «жалобщики» — советские безработные, с другой – теневые предприниматели), обширный средний класс – интеллигенция и служащие; менеджерские слои (прежде всего хозяйственный директорат), правящая бюрократия (партийно-государственная номенклатура). По мере развития социальной системы СССР росли противоречия между этими слоями. Рабочие и интеллигенция стремились к росту уровня и качества жизни, приближающегося к уровню жизни правящего класса (тем более, что социальное равноправие было декларировано официальной идеологией). Всеобщее возмущение вызывали номенклатурные привилегии, неэффективность работы бюрократического аппарата, произвол и безответственность чиновников, коррупция. В то же время основные социальные слои привыкли к преимуществам развитого социального государства – доступному образованию и медицинскому обеспечению, отсутствию заметного социального расслоения. Но практически все ставили вопрос о значительном увеличении качества обслуживания людей во всех сферах советского общества. Интеллигенция была готова вступить в борьбу с номенклатурой как за места в государственном аппарате, так и за свободный доступ к информации – основному ресурсу, необходимому интеллигенции, который пока контролировался номенклатурой. Многосторонние давления, которые разные социальные слои оказывали на правящий слой, усиливали противоречия внутри номенклатуры.

После XX съезда КПСС в обществе, особенно в средних слоях, развивался идейный плюрализм. Наряду с официальным марксизмом–ленинизмом (в его интернационалистической и державно–националистической разновидностях), были распространены либеральное западничество, державное почвенничество и неортодоксальный демократический социализм. Эти направления вступали друг с другом в разнообразные альянсы и конфликты на ниве культурной жизни. Официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но это уже давно не была борьба на уничтожение. Многократно критикуемые, деятели культуры не отказывались от своих взглядов, но и не переходили в решающие атаки на режим. Они пока лишь готовились к такому наступлению, к решающей борьбе за умы. Уже в первой половине 80-х гг. возникли ядра будущих «партий» времен Перестройки — «патриоты» и «либералы»²⁵⁷ «окапывались» в толстых журналах, «народники» исследовали мыслителей прошлого и пели песни с критическими намеками, западники писали в самиздат или делали партийно–государственную карьеру²⁵⁸. Распространенным и влиятельным типажом стал

²⁵⁷ Слова «либерал» и «консерватор» применительно к советской элите употребляются в кавычках, так как указывают на принадлежность не к либеральной и консервативной идеологии в собственном смысле слова, а к реформистской и охранительной позиции.

²⁵⁸ Подробнее см. Шубин А.В. Указ. соч. С.336–417.

«шестидесятник» или либеральный коммунист. Его мировоззрение складывалось из эклектического сочетания коммунистических мифов и либеральных ценностей индивидуальной свободы. Либеральные коммунисты не были тогда приверженцами либеральной идеологии и склонялись к демократическому социализму. Но их идеологические пристрастия были основаны на мифах, и когда в ходе Перестройки выяснится, что Ленин — не демократ, НЭП — не идеал рыночного социализма, а западные супермаркеты ломаются от продуктов — тут большинство «шестидесятников» быстро уверует в обычный либерализм, перейдет к апологии капиталистических отношений.

Социальная и идейная расстановка в советской элите и средних слоях накладывалась на поколенческую. В 50–80-е гг. в недрах слоя специалистов–интеллигентов и служащих (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — системы горизонтальных, независимых от государства общественных связей. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой (клубы самодеятельной песни и рок–движение), литературными пристрастиями (клубы любителей фантастики), хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной активностью. Крупнейшими общественными движениями того периода были культурно–экологическое (дружины охраны природы, актив Всероссийских обществ охраны природы и памятников истории и культуры), педагогическое (коммунары, педагоги–новаторы) и правозащитное (диссиденты). Только последнее носило открыто оппозиционный характер²⁵⁹.

Социальная система и экономически, и идеологически не была рассчитана на новые запросы людей (будь то желание авторов «Метрополя» публиковать аполитичные произведения, отрицающие каноны «социалистического реализма»; либо любовь молодежи к рок–музыке или повальная склонность к приобретению яркой модной одежды). Противопоставляя себя неконтролируемому художественному творчеству, режим провоцировал средние слои на переход к творчеству социальному.

Попытки наступления на общественность в первой половине 80-х гг. показали ограниченность возможностей власти — однажды попробовав вкус самостоятельного мышления и обсуждения социальных проблем, люди уже не могли от этого отказаться.

Концепции, обсуждавшиеся в неформальных кругах общественности проникали в «либеральные» круги научной и творческой элиты, советников правящей элиты, а от них — к «реформистам» в правящей группе. Приход к власти даст старт борьбе идей второй половины 80-х гг.

А между тем подрастало новое поколение, психологически слабо связанное с устоями «развитого социализма». Если раньше молодежь была надеждой, то теперь о ней заговорили с тревогой.

Все более очевидная пропасть между официально провозглашаемыми ценностями и реальностью заставляла молодежь искать собственные идеалы, далекие от тех, которые навязывались системой скучного, далекого от творческой практики «коммунистического воспитания». «Наметился, а может быть, произошел нравственный раскол поколений, — утверждал социолог Г. Забрянский, — Не желая наследовать лозунги–обманки, «принципы» и догмы, противоречащие логике развития общества, молодежь растерялась»²⁶⁰. Последнее утверждение о «растерянности» вряд ли может быть отнесено к молодежи в целом — молодые люди просто пошли разными путями, и многие — совсем не теми дорогами, которые были им предначертаны «старшими товарищами». Часть молодых людей с присущим юности радикализмом стала искать возможность преобразования общества,

²⁵⁹ См. там же. С.423–580.

²⁶⁰ Криминологи о молодежных неформальных объединениях. М., 1990. С.14.

построенного отцами, пополняя ряды неформальных движений. Другая часть бунтовала и криминализировалась. Молодежные группировки брали под контроль целые кварталы крупных городов (например, Казани). В 1984 г., на следующий день после гибели двух девушек в результате наезда на них машины милиции тысячная молодежная толпа штурмовала Лениногорский горотдел МВД, воскрешая в памяти грандиозные антимилицейские выступления 1957–1967 гг.²⁶¹

Массы молодых людей пытались улучшать свои условия жизни нелегальными путями. *«Многие юнцы, с грехом пополам закончившие школу, уже прикидывают, на чем бы сделать бизнес, что купить и перепродать»*²⁶², — писали читатели «Известий» в 1979 г. Юнцы повзрослеют и составят костяк новой социальной «общности» новых русских. Не очень грамотных, но очень хватких в деле теневой торговли. А пока их сверстники, отличавшиеся большей грамотностью и не уступавшие цинизмом, равнодушные ко всякой идеологии, но хорошо осведомленные о номенклатурных привилегиях, делали карьеру в комсомольских органах. Близились времена великого передела собственности.

«Омоложение» страны в результате общего роста благосостояния и последствий послевоенного роста рождаемости оказалось «бомбой замедленного действия», грозившей подорвать институты «развитого социализма», с которыми молодежь не была связана психологически.

При этом режим не мог опереться на активную поддержку рабочего класса, который все еще считался «хозяином» советского государства. Рабочий класс в лице его реальных представителей отождествлял свое благополучие с набором материальных благ и социальных гарантий, которые существовали для послевоенного поколения как бы «сами собой». Их качество часто оставляло желать лучшего, что вызывало раздражение. Любая попытка урезать их вызывала острое недовольство и лишней раз подтверждала: советские управленцы — это не слуги народа, а господствующая каста.

В конце 70–х гг. в условиях исчерпания старых возможностей развития администрация постепенно «закручивала гайки», пытаясь поставить трудовые коллективы под свой контроль, навязать ему менее выгодные условия труда. Это приводило ко все большему количеству конфликтов: *«Увеличилось количество писем о трудовых конфликтах»*, — писал в сводке для ЦК заместитель редактора «Литературной газеты» В. Сырокомский. — *Читатели сообщают факты увольнения и преследования работников за критику. Часто от «жалобщика» пытаются избавиться любыми способами, начиная от незаслуженных выговоров и вплоть до организации товарищеского суда. Авторы писем обращают внимание на то, что некоторые руководители, чувствуя себя в роли «удельных князей», заводят свои собственные порядки, окружают себя «верными» людьми и творят свой суд и расправу над негодными»*²⁶³. Стремление директората к самостоятельности, укреплению контроля за «своими» предприятиями, реализовывалось не только за счет вышестоящих бюрократических структур, но и за счет любителей «качать права» на производстве. Для «рабочей оппозиции» наступали тяжелые времена.

Большую роль в разрешении трудовых конфликтов играли суды. Но их значение падало. В Ивановской области, например, судами были восстановлены на работе в 1973 г. 58,6% обратившихся, в 1976 г. — 39,2%, в 1977 г. — 27,8%, а в 1978 г. — всего 5,7%, в 1979 г. — 3,4%²⁶⁴. Вряд ли резкое падение процента удовлетворенных исков может

²⁶¹ «О массовых беспорядках с 1957 года...»

²⁶² РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.213. Л.29.

²⁶³ Там же. Л.235.

²⁶⁴ Там же. Оп.84. Д.18. Л.12.

свидетельствовать о том, что увольнения стали более оправданными. Ужесточилась позиция судов в отношении рабочих. Тысячи несправедливо уволенных продолжали ходить по судам разных инстанций, превратившись в специфический социальный типаж безработного «жалобщика». Зато миллионы рабочих теперь опасались конфликта с начальством «один на один». Но это лишь спланивало рабочих и, если сопротивление поддерживали цеховые авторитеты, вело к коллективным акциям протеста.

Впервые с начала 60–х гг. в 1979–1980 гг. возросла забастовочная активность²⁶⁵. Вскоре этот факт признали и государственные органы (конечно, секретно): *”В 1980 г. участились случаи грубого нарушения на отдельных предприятиях трудовой дисциплины, которые выражались в самовольном оставлении работы с целью решения таким образом возникших трудовых конфликтов»*, — говорилось в записке Госкомтруда в ЦК²⁶⁶. Поводы к забастовке возникали из-за попыток работодателя разными способами сэкономить на рабочей силе. Например – путем снятия льготных пенсий, использовавшихся для привлечения работников на производство. Люди отработывали в тяжелых условиях много лет, рассчитывали получить за это льготную пенсию, но затем льготу отменяли. Можно вообразить себе возмущение обманутых рабочих. В 1980 г. это вызвало забастовки на Краснодарском заводе измерительных приборов и на Щебекинском химзаводе. Среди других причин забастовок были требования повышения зарплаты, сохранения льготных отпусков, сокращенного рабочего дня, отмены пересмотра норм²⁶⁷. Требования рабочих были консервативны, что вообще характерно для настроений пролетариата после создания социального государства. Прежде всего рабочие требовали хранить то, что есть, качественно обеспечивать «положенное», и приплатить за работу в тяжелых условиях.

В большинстве случаев производственные конфликты удавалось быстро прекращать путем переговоров между лидерами и работниками разветвленной социальной инфраструктуры предприятия (партком, профком и др.).

На предварительной стадии конфликты часто гасились благодаря посредничеству парторганизации или местных ячеек общественных организаций — профкома и комсомола. Эти структуры, создававшиеся как проводники воли высшего руководства и бюрократии, к концу 70–х гг. превратились в промежуточное звено, которое ориентировалось на интересы не только «верхов», но и «низов». Корпоративная система распределения материальных благ, покровительство администрации своим рабочим, заводской патриотизм и т.д. создавали цельный микроклимат предприятия, который далеко не всегда контролировался извне. В 1983 г. проверка показала, что около половины профкомов саботирует карательные мероприятия государства, направленные против «нарушителей трудовой дисциплины»²⁶⁸. Конфигурация социальных конфликтов и связей, решение маленьких и больших проблем зависели от конкретной позиции чиновников, директоров, мастеров, инженеров, председателей парткомов и т.д.

Социальная стабильность поддерживалась и корпоративной социально-психологической традицией, доставшейся российской индустриальной цивилизации в наследство от общинной культуры России и коллективистской коммунистической идеологии.

Голос трудовых коллективов звучал и при обсуждении проекта Конституции.

²⁶⁵ Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Франкфурт–на–Майне, 1982. С.158–162.

²⁶⁶ РГАНИ. Ф.5, Оп.84. Д.18. Л.2.

²⁶⁷ Там же. Л.3.

²⁶⁸ Мацкявичус К. Дисциплина и коллектив. «Правда». 9.08.1983.

Поступали предложения о гарантированном уровне цен, об увеличении отпуска рабочих с 15 до 24 дней, о предоставлении отпуска за дополнительную работу, о дополнительном вознаграждении за стаж, о запрещении труда женщин на тяжелых работах, предоставление пенсий многодетным домохозяйкам, вытеснение ручного труда, в первую очередь — женского и др.²⁶⁹ Инженер И. Кукушкина предлагала внести норму об отпуске по воспитанию детей в три года²⁷⁰. В Конституцию эта норма попасть, конечно, не могла, но со временем она попала в закон. Советское «социальное государство» было заинтересовано в стимулировании рождаемости — роста будущей рабочей силы. Активность «женского лобби» вообще была высока всего только за декаду было предложено 345 конкретных предложений по социальным льготам для женщин²⁷¹.

Токарь И. Вислоушкин предложил конституционно закрепить персональную ответственность первых руководителей предприятий «за создание в коллективах надлежащих производственных и культурно-бытовых условий»²⁷² (118 аналогичных предложений за декаду)²⁷³. Некоторые менеджеры, в свою очередь, требовали ввести статью «об ответственности работников за выпуск некачественной продукции»²⁷⁴. Директор Минишев, поддержанный за 10 дней еще 25 коммунистами, предлагал такую норму: «коллектив отвечает за каждого своего члена, а каждый член коллектива несет моральную ответственность за общее положение дел в коллективе»²⁷⁵. Это директорское требование круговой поруки не попало в Конституцию, но зато стало реализовываться (и не только морально, но и материально) руководителем Свердловской области Б. Ельциным (см. Главу III). Социальные противоречия на производстве живо проявлялись на конституционных партсобраниях. Проявило себя и профсоюзное лобби, требовавшее признания профсоюзной собственности самостоятельной формой общественной собственности наряду с государственной и колхозно-кооперативной — 64 предложения за декаду²⁷⁶.

В стране продолжали сохраняться серьезные территориальные различия, пронизывавшие не только элиту, но и массу рабочего класса, составлявшего 61% населения¹³⁴. В выигрышном положении оказывались рабочие Москвы, Ленинграда, некоторых столиц «союзных республик». Здесь существовали преимущественные условия снабжения, доступа к культурной инфраструктуре. Усвоив уроки революции, власти внимательно следили за снабжением этих городов. Остальная масса пролетариата была скучена в индустриальных центрах, где условия жизни были гораздо хуже. Географическое разделение населения обеспечивалось системой прописки — ограничения права изменения места жительства. Прописка обосновывалась экономически — для получения дешевого

²⁶⁹ Например, РГАНИ. Ф.5. Оп.73. Д.90. Л.8; Д.91. Л.4; Д.92. Л.57; Д.93. Л.6; Д.101. Л.72; Д.102. Л.57; Д.103. Л.147.

²⁷⁰ Там же. Д.95. Л.89.

²⁷¹ Там же. Д.139. Л.95–100.

²⁷² Там же. Д.92. Л.143.

²⁷³ Там же. Д.139. Л.60.

²⁷⁴ Там же. Д.105. Л.60.

²⁷⁵ Там же. Д.139. Л.58.

²⁷⁶ Там же. Д.139. Л.15.

жилья необходимо было принадлежать к числу жителей данной местности, а войти в число этих жителей можно было только имея постоянное жилье. Так дешевизна социальных услуг влекла за собой прикрепление населения к местности. Впрочем, с 60-х гг. это не было уже «крепостное право». Договорившись о новом месте работы, человек часто получал и ведомственное жилье, а затем улучшал жилищные условия на новом месте.

«Жилищный вопрос» был одной из основных социальных проблем СССР еще со времен сформированной индустриализации и живо дискутировался, в том числе и на партсобраниях. Во время обсуждения проекта Конституции 1977 г. рядовые коммунисты требовали более справедливого распределения жилья, и даже при участии «общественного контроля»²⁷⁷. Высказывались требования равных жилищных прав²⁷⁸. Более реалистичный архитектор Н. Опарин, напротив, считает неуместными пропагандистские статьи Конституции и предлагает исключить ст. 44 («право на жилище»), если нельзя обеспечить всех граждан жильем за 2–3 года²⁷⁹. Статью не исключили, но руководство КПСС не забыло про «должок» и разрабатывало план ликвидации дефицита жилья. Этот план был принят в 1986 г., но не пережил Перестройки.

Стремление провинциалов войти в привилегированное сословие столичных жителей, получить московскую или ленинградскую прописку, привело к возникновению явления «лимитчиков», то есть социального слоя рабочих, нанимаемых в столицы на невыгодных условиях, но с перспективой получения московской прописки. Ради нее «лимитчики» готовы были временно работать и жить в гораздо более тяжелых условиях, чем большинство рабочих СССР. «Лимит» (возможность ограниченного ввоза рабочей силы в Москву) давал администрации предприятий возможность обходиться без рационализации производства и приводил к постоянному разрастанию столиц, усиливал в них социальную напряженность. Пытаясь смягчить проблему «лимита», администрация широко применяла на тяжелых работах также иностранную рабочую силу (прежде всего из «братского» Вьетнама, нищее население которого также было готово трудиться в любых условиях), солдат, заключенных «лечебно-трудовых профилакториев», куда попадали алкоголики. Эти слои рабочей силы, привлекаемые к труду внеэкономическими методами, находились еще в относительно выгодном положении по сравнению с заключенными тюрем и лагерей, труд которых широко использовался в провинции. Правда, эффективность этого труда была совсем низкой.

Социальная структура СССР была относительно прочна в силу того, что внутри каждой страты имущественные различия нивелировались. Так, несмотря на то, что дифференциация труда рабочих в зависимости от квалификации оценивалась социологами как десятикратная, оплата труда рабочего на одном производстве как правило различалась не более, чем в два раза²⁸⁰. При этом существовала большая разница в оплате и обеспечении социальной инфраструктуры работников различных предприятий. Наиболее квалифицированная рабочая сила концентрировалась в так называемых «ящиках» — закрытых предприятиях, связанных с военно-промышленным комплексом (но обеспечивавших не только военные нужды). За лучшие условия труда и быта рабочий вынужден был расплачиваться меньшей степенью свободы в смене рабочего места и часто более интенсивным трудом.

Интенсивность труда большинства рабочих была не очень велика. Но важной проблемой оставалась неритмичность работы. По данным Госкомтруда с 1975 по 1980 г.

²⁷⁷ Например, РГАНИ. Ф.5. Оп.73. Д.105. Л.21.

²⁷⁸ Там же. Д.89. Л.9

²⁷⁹ РГАНИ. Ф.5. Оп.73. Д.95. Л.55.

²⁸⁰ Гордон Л.А., Комаровский В.В., Назимова А.К. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М., 1988. С.40.

количество простоев выросло с 0,36 человеко–дня до 0,42 человеко–дня на одного рабочего в год. «Для обеспечения выполнения плана в конце месяца рабочие привлекаются к массовым сверхурочным работам, работам в выходные дни, зачастую в нарушение трудового законодательства», — жаловался Госкомтруд в ЦК²⁸¹.

Со времен модернизационных рывков 30–х и 50–60–х гг. СССР унаследовал низкий уровень безработицы. Официально ее и вовсе не было, тунеядство преследовалось по закону, так что любой человек мог требовать от государства трудоустроить его по специальности. Уволить работника было крайне сложно, и директора предпочитали компенсировать нерадивость части персонала наймом дополнительной рабочей силы (также – как придерживать ресурсы в запас). Так что в условиях экстенсивного развития возникал дефицит рабочей силы.

Администрация была вынуждена в условиях дефицита рабочей силы стремиться к постоянному повышению жизненного уровня своих рабочих (чтобы они не перешли на другие предприятия). Это снижало угрозу забастовок, так как в большинстве случаев можно было обходиться без них. По мнению социолога В. Заславского «право на уход по собственному желанию представляет собой могучее средство давления рабочего на администрацию»²⁸². Текучесть кадров составила в 1985 г. всего 12,7% списочного состава предприятий²⁸³. Так что большинством работников предприятия воспринимались как «свои», на производстве складывался своеобразный общественный микроклимат с собственными авторитетными людьми, часто не занимавшими официальных управленческих постов.

Однако советский рабочий был также отчужден от принятия решений и результатов труда «своего» предприятия, как и при капитализме. Это лишало рабочего стимулов к улучшению качества своего труда. Словно спохватившись, государство стало поощрять коллективные формы материального стимулирования (бригадный подряд, щекинский метод). По сути это была форма сдельной оплаты с элементами круговой поруки — работники не получали почти никаких дополнительных прав. Соответственно и «бригадный подряд» в большинстве случаев оставался формальностью. По данным опросов в Куйбышеве самостоятельные решения по распределению коллективного заработка принимали только 43% бригад. Лишь четверть бригад принимала хоть какие–то меры к нарушителям дисциплины²⁸⁴. Среднее звено хозяйственной бюрократии относилось к фактическому (а не декларативному) коллективизму с большим подозрением. Производственная общность должна была быть понятной управленцу, вертикальной, тесно связывающей руководителя и подчиненного.

Относительная защищенность человека на производстве контрастировала с его незащищенностью перед лицом бюрократии по месту жительства. Социолог О. Яницкий пишет об этом: "На заводе, в любом учреждении работник все же социально защищен. При всем несовершенстве нашего трудового законодательства он — член трудового коллектива, КПСС, профсоюза, многочисленных трудовых организаций. А в микрорайоне, заводском поселке, общежитии он бесправен и безгласен, постоянно слышит «нельзя», «не

281 РГАНИ. Ф.5. Оп.84. Д.18. Л.2

282 Заславский В. Организованный консенсус. С.4. // Сборник самиздата. Сост. В. Прибыловский. М., 1984. Архив Шубина А.В.

283 Народное хозяйство СССР в 1990 г. С.109.

284 Завершинский Д.М., Ключников С.А., Тукумиев Б.Г. Оценка в социологическом исследовании уровня внедрения коллективных форм организации труда. // Социальные проблемы становления коллективных форм организации труда. Куйбышев, 1984. С.15.

предусмотрено», «зайдите завтра»²⁸⁵. Компартии удалось разрушить общину на территориальном уровне. Собственно, именно там она представляла для политическом монополии коммунистов наибольшую угрозу. Именно по месту жительства человек «отвлекается» от производственных заданий и сталкивается с проблемами качества жизни и связанными с ним более общими вопросами — экологии, бюрократизации, социальной уязвимости и т.д. Но человек территориальный был гораздо хуже организован, чем человек производственный (хотя это были одни и те же люди), и потому первый уступал второму, когда их интересы сталкивались. Отсюда — нарастание экологических проблем (приоритет интересов производства над здоровьем местных жителей), мирриады нерешенных вопросов качественного жилья, снабжения, транспорта, нараставших по мере ослабления единого обруча, спланивавшего административную машину в сталинские времена. По мере роста сферы свободы в обществе индустриальная машина оказывалась в более выгодном положении, чем население; человек — винтик этой машины — в более выгодном положении, чем собственно человек — житель.

Конечно, это было результатом общих закономерностей развития индустриализма, которые проявляются и на Западе, и на Востоке. Но здесь было одно существенное различие — в большинстве западных стран общинность, корпоративность общества сильнее сохранилась по месту жительства, чем на производстве. Это, помимо всего прочего, обеспечило большую защищенность человека именно как потребителя, как жителя. Это позволило быстрее, чем в СССР, сформироваться современному гражданскому обществу, опирающемуся на сильное территориальное самоуправление. В СССР коммунистический «большой скачок» разрушил территориальное самоуправление и перенес корпоративные структуры на производство. В итоге — большая защищенность на производстве (по некоторым параметрам — выше, чем в большинстве стран Запада) и беспомощность по месту жительства, а точнее — по месту жизни вне производства. В 80–е гг. это вызовет мощное движение за территориальное самоуправление и возрождение демократии советов.